

ISSN: 2181-9416

2-SON, 2026

YURIST AXBOROTNOMASI

ВЕСТНИК ЮРИСТА * LAWYER HERALD

HUQUQIY, IJTIMOIIY, ILMIY-AMALIY JURNAL

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
e LIBRARY.RU

YURIST AXBOROTNOMASI

2-SON

ВЕСТНИК ЮРИСТА

HOMEPI 2

LAWYER HERALD

ISSUE 2

ХИКМАТОВ Немат ДжураевичСамостоятельный соискатель
Ташкентского государственного
транспортного университета
E-mail: hikmatovnemat@gmail.com

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: АНАЛИЗ ВЕЩНО-ПРАВОВОГО И ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПОДХОДОВ

For citation (для цитирования, iqtibos keltirish uchun): ХИКМАТОВ Н.Д. Правовая природа цифровых активов в гражданском праве: анализ вещно-правового и обязательственно-правового подходов // Yurist axborotnomasi – Вестник юриста – Lawyer herald. № 2 (2026) С. 66-73.

 2 (2026) DOI <http://doi.org/10.34920/2181-9416/2026/2-007>

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется правовая природа цифровых активов в гражданском праве через призму вещно-правового и обязательственно-правового подходов. Автор исходит из того, что развитие цифровой экономики, блокчейн-технологий, токенизации имущественных благ и появления различных видов криптоактивов поставило перед юридической наукой вопрос о возможности признания цифровых активов имуществом, обладающим самостоятельной имущественной ценностью и способным участвовать в гражданском обороте. Обосновывается, что цифровые активы не укладываются в традиционные конструкции материальных вещей и классических прав требования, поскольку, не имея физической формы, они тем не менее обладают экономической ценностью, могут находиться под фактическим и юридическим контролем определённого субъекта, передаваться другим лицам, выступать объектом наследования, обеспечения, банкротства и иных частноправовых отношений, а также требовать защиты от посягательств третьих лиц. В работе анализируются основные доктринальные подходы к правовой природе цифровых активов. С одной стороны, они рассматриваются как самостоятельное имущественное благо, с другой как цифровая форма выражения уже существующих имущественных, обязательственных или корпоративных прав. Особое внимание уделено позициям В.А. Садкова, Э.Д. Чейсона, Дж.А.Т. Фэйрфилда, М. Абрамовича, Р.М. Гарсия-Теруэль и Э. Симон-Морено. Автор приходит к выводу о том, что вопрос о признании цифровых активов имуществом не может решаться абстрактно или единообразно для всех их видов. Для определения их правового режима необходимо учитывать совокупность частноправовых критериев, включая самостоятельную экономическую ценность, возможность контроля, оборотоспособность, определённость принадлежности, защиту от третьих лиц, а также характер того права, которое лежит в основе конкретного цифрового актива.

Ключевые слова: цифровые активы, имущество, обязательство, блокчейн, токенизация, криптоактивы, оборотоспособность, контроль, принадлежность, защита, право, цифровизация, регулирование.

XIKMATOV Nemat Jo'rayevichToshkent davlat transport universiteti
mustaqil izlanuvchisiE-mail: hikmatovnemat@gmail.com

RAQAMLI AKTIVLARNING FUQAROLIK HUQUQIDAGI HUQUQIY TABIATI: ASHYOVIY-HUQUQIY VA MAJBURIYAT-HUQUQIY YONDASHUVLAR TAHLILI

ANNOTATSIYA

Maqolada raqamli aktivlarning fuqarolik huquqidagi huquqiy tabiati ashyoviy-huquqiy va majburiyat-huquqiy yondashuvlar nuqtai nazaridan tadqiq etiladi. Muallif raqamli iqtisodiyot, blokcheyn texnologiyalari, mulkiy ne'matlarni tokenlashtirish va turli xil kriptoaktivlarning paydo bo'lishi yuridik fan oldiga raqamli aktivlarni mustaqil mulkiy qiymatga ega bo'lgan va fuqarolik muomalasida ishtirok etishga qodir mol-mulk sifatida tan olish mumkinmi, degan masalani qo'yganidan kelib chiqadi. Raqamli aktivlar an'anaviy moddiy ashyo va klassik talab qilish huquqi tizimlariga mos kelmasligi asoslantiriladi, chunki ular jismoniy shaklga ega bo'lmasa-da, iqtisodiy qiymatga ega, muayyan subyektning faktik va yuridik nazorati ostida bo'lishi, boshqa shaxslarga o'tkazilishi, meros, bankrotlik va boshqa xususiy-huquqiy munosabatlarning obyekti bo'lishi, shuningdek uchinchi shaxslar tajovuzidan himoyani talab qilishi mumkin. Ishda raqamli aktivlarning huquqiy tabiatiga oid asosiy doktrinal yondashuvlar tahlil qilinadi. Bir tomondan, ular mustaqil mulkiy ne'mat sifatida, ikkinchi tomondan esa mavjud mulkiy, majburiyat yoki korporativ huquqlarning raqamli ifodasi sifatida qaraladi. V.A. Sadkov, E.D. Cheyson, J.A.T. Feyrild, M. Abramovich, R.M. Garsiya-Teruel va E. Simon-Moreno qarashlariga alohida e'tibor qaratilgan. Muallif raqamli aktivlarni mol-mulk sifatida e'tirof etish masalasi barcha turlariga nisbatan mavhum yoki bir xil tarzda hal qilib bo'lmasligi haqida xulosaga keladi. Ularning huquqiy rejimini belgilashda mustaqil iqtisodiy qiymat, nazorat qilish imkoniyati, muomalada bo'lishi, kimga tegishliligining aniqligi, uchinchi shaxslardan himoya qilinganligi, shuningdek muayyan raqamli aktiv asosida yotgan huquqning xususiyati kabi xususiy-huquqiy mezonlar majmuini hisobga olish zarur.

Kalit so'zlar: raqamli aktivlar, mol-mulk, majburiyat, blokcheyn, tokenlashtirish, kriptoaktivlar, muomalada bo'lish, nazorat, tegishlilik, himoya qilish, huquq, raqamlashtirish, tartibga solish.

NEMAT Khikmatov

Independent Researcher

Tashkent State Transport University

E-mail: hikmatovnemat@gmail.com

THE LEGAL NATURE OF DIGITAL ASSETS IN CIVIL LAW: AN ANALYSIS OF PROPRIETARY AND OBLIGATIONAL APPROACHES

ANNOTATION

The article examines the legal nature of digital assets in civil law through the prism of proprietary and obligational approaches. The author proceeds from the premise that the development of the digital economy, blockchain technologies, tokenization of proprietary benefits, and the emergence of various types of crypto-assets have raised for legal scholarship the question of whether digital assets may be recognized as property possessing independent economic value and capable of participating in civil circulation. It is substantiated that digital assets do not fit into the traditional legal constructions of tangible things and classical rights of claim, since, although lacking physical form, they nevertheless possess economic value,

may be subject to the factual and legal control of a particular person, may be transferred to others, may serve as objects of inheritance, security, bankruptcy, and other private-law relations, and may require protection against interference by third parties. The paper analyzes the main doctrinal approaches to the legal nature of digital assets. On the one hand, they are viewed as an independent proprietary good; on the other hand, they are regarded as a digital form of expression of already existing proprietary, obligational, or corporate rights. Particular attention is paid to the views of V.A. Sadkov, E.D. Chason, J.A.T. Fairfield, M. Abramowicz, R.M. Garcia-Teruel, and H. Simón-Moreno. The author concludes that the issue of recognizing digital assets as property cannot be resolved abstractly or uniformly for all their types. In determining their legal regime, it is necessary to take into account a set of private-law criteria, including independent economic value, the possibility of control, transferability, certainty of legal принадлежность, protection against third parties, as well as the nature of the right underlying a specific digital asset.

Keywords: digital assets, property, obligation, blockchain, tokenization, cryptoassets, transferability, control, attribution, protection, law, digitalization, regulation.

В доктрине понимания правовой природы цифровых активов условно сформировались два основных подхода: один из них рассматривает цифровые активы как имущество, обладающее самостоятельной имущественной ценностью, тогда как другой трактует их как цифровую форму, выражение либо механизм осуществления уже существующих имущественных, обязательственных или корпоративных прав. С точки зрения второго подхода, при правовой оценке цифровых активов не следует поспешно признавать их самостоятельным имуществом, напротив, прежде всего целесообразно анализировать их правовое содержание и экономические функции [1, Б. 220]. Это объясняется тем, что во многих случаях явление, именуемое цифровым активом, представляет собой цифровую оболочку, технический носитель или способ реализации определённого правового содержания. Если за цифровыми обозначениями, токеном или криптографической записью стоит конкретное имущественное требование, корпоративное право, интерес, связанный с платежом, либо иной юридический интерес, то в центре правового анализа должна находиться не цифровая форма как таковая, а именно соответствующее право.

Значение данного подхода состоит в том, что он позволяет избежать чрезмерной абсолютизации правовой природы цифровых активов. Иными словами, не всякая цифровая запись, токен или единица блокчейна автоматически влечёт вывод о наличии самостоятельного имущества. Напротив, представители данного направления в каждом конкретном случае ставят на первый план вопросы о том, какое именно право воплощено в цифровой форме, на каком основании оно возникло, каким образом передаётся и к каким правовым последствиям приводит [2, Б. 366-374]. В этом смысле рассматриваемый подход показывает, что при осмыслении правовой природы цифровых активов приоритет должен отдаваться не техническому выражению, а лежащему в его основе правовому содержанию [3, Б.56].

В частности, российский исследователь В.А. Садков, специально изучавший проблематику цифровых прав, выступает одним из наиболее типичных представителей данного направления, рассматривая цифровые финансовые активы не как абсолютно новое имущество, а как особую форму фиксации и введения в оборот уже известных гражданскому праву обязательственных и корпоративных прав с использованием цифровых технологий. Согласно его позиции, правовая сущность цифрового финансового актива проявляется не в самом факте его существования в электронной или блокчейн-форме, а в том, какие именно права посредством него удостоверяются, кому они принадлежат и в каком порядке вводятся в оборот. По теоретическому выводу В.А. Садкова, «новизна» цифрового финансового актива

заключается не в его содержании, а в способе выражения прав и их включения в гражданский оборот. Так, если определённый токен выражает обязательственное право, право на получение дивидендов или право корпоративного участия, то в центре правового анализа должен находиться не сам токен, а именно соответствующее право [4, Б. 11-12]. Данная точка зрения позволяет рассматривать цифровые технологии не как самостоятельную реальность, существующую вне правовой системы, а как форму цифрового развития уже известных юридических средств.

Трактовка В.А. Садковым цифровых финансовых активов не как абсолютно нового имущества, а как особой формы фиксации и введения в оборот уже известных гражданскому праву обязательственных и корпоративных прав в определённой степени представляется обоснованной. В особенности теоретически верным направлением следует признать то, что правовая сущность цифрового финансового актива связывается им не с его электронной или блокчейн-формой как таковой, а с тем, какие именно права посредством него удостоверяются, кому они принадлежат и в каком порядке включаются в оборот. Вместе с тем, по нашему мнению, данный подход не может быть воспринят безоговорочно. Ограничение новизны цифровых финансовых активов лишь способом выражения прав и их введения в оборот не позволяет в полной мере раскрыть некоторые новые качественные особенности их правовой природы. В частности, отдельные цифровые блага, токенизированные или введённые в оборот на основе блокчейна, могут обладать более широким экономическим и юридическим значением, чем простая цифровая форма традиционных обязательственных или корпоративных прав. В ряде случаев их самостоятельность в обороте, трансграничная обращаемость, существование в децентрализованной среде и обеспечение юридической принадлежности посредством технических средств не охватываются в полном объёме традиционными правовыми конструкциями.

Представитель американской школы правоведения, профессор Университета Денвера Эрик Д. Чейсон (Eric D. Chason), анализируя цифровые активы, в частности Bitcoin, рассматривает его не просто как новый вид имущества, а как систему, функционально воспроизводящую в цифровой среде отдельные институты традиционного права собственности. По его мнению, блокчейн Bitcoin выполняет ряд функций, присущих реестру недвижимости: фиксирует правообладателей, отражает последовательность перехода прав, обеспечивает публичность информации, связанной с имуществом, и в определённом смысле выполняет функцию правовой гарантированности права собственности. Важной особенностью подхода данного американского исследователя является то, что он не акцентирует внимание на признании Bitcoin самостоятельным имуществом как таковым, а, напротив, оценивает его как новую институционально-техническую форму реализации имущественных отношений. Иными словами, по его мнению, блокчейн Bitcoin не является государственным реестром, однако фактически выполняет функции, характерные для традиционных институтов права собственности, такие как установление правовой принадлежности имущества, фиксация перехода имущественных прав и определение их приоритета [5, Б. 129-171]. В частности, в Великобритании по делу *AA v. Persons Unknown* суд признал Bitcoin имуществом и применил запретительную меру в отношении токенов, полученных в результате незаконного вымогательства. Значение данного решения состоит в том, что суд избрал вещно-правовое средство защиты применительно к самому токenu, то есть правовая защита была направлена не на его рыночную стоимость, а на него как на самостоятельный объект. Это решение выражает одну из наиболее завершённых правовых форм признания цифрового актива имуществом, поскольку рассматривает крипто-актив как самостоятельный объект собственности и обеспечивает в отношении него прямую защиту, характерную для права собственности.

Канадская судебная практика также в определённой степени поддерживает данное направление. В деле *Shair.Com Global Digital Services Ltd. v. Arnold* суд признал наличие у истца имущественного интереса не только в отношении ноутбука, но и в отношении приобретённых через содержащийся в нём закрытый ключ цифровых валют. Особое значение здесь имеет то обстоятельство, что суд не ограничил право на цифровые активы лишь материальным носителем ноутбуком, а подошёл к самим токенам как к самостоятельному имущественному интересу [7].

Данная позиция имеет важное значение для понимания правовой природы цифровых активов. Это объясняется тем, что в её рамках цифровые технологии рассматриваются не просто как экономический инструмент, а как механизм, создающий функциональный аналог уже существующих институтов частного права. В этом смысле для Эрика Д. Чейсона значение цифрового актива проявляется не в признании его самостоятельным имуществом как таковым, а в его способности обеспечивать упорядоченность имущественных отношений.

Другой американский правовед, профессор Вашингтонского университета и Университета Ли Джошуа А.Т. Фэйрфилд (Joshua A.T. Fairfield), объясняет проблему цифровых активов, исходя из более углублённого понимания теории собственности. Согласно его взглядам, собственность представляет собой не только реальное господство над материальной вещью, но и систему отношений, которая в социально-правовом смысле выражается через информацию о том, «кому что принадлежит». С этой точки зрения в цифровой среде информационная природа собственности проявляется ещё более отчётливо. В подходе данного автора цифровой актив выступает не как самостоятельное имущество, а как новая форма выражения, хранения и передачи информации о собственности [8, Б. 805-874.]. Иными словами, он предлагает переосмыслить собственность через призму цифровых технологий: если собственность по своей сути является системой информации о правовой принадлежности, то блокчейн и иные цифровые платформы становятся высокоэффективным способом хранения и распространения такой информации. Следовательно, теоретическое значение данной позиции заключается в том, что она переводит дискуссию о цифровых активах с вопроса «существует ли новый вид имущества?» на вопрос «каким образом сама собственность функционирует как система правовой информации?». Таким образом, в позиции Джошуа А.Т. Фэйрфилда сущность цифрового актива связывается не столько с его материальным или нематериальным характером, сколько с функцией выражения и упорядочения правовой принадлежности.

Ещё один представитель американской школы правоведения, профессор Университета Джорджа Вашингтона Майкл Абрамович (Michael Abramowicz), рассматривает цифровые активы, в особенности программные механизмы, обеспечивающие обращение криптовалют, как алгоритмическую систему реализации правовых отношений и принятия определённых решений. В его концепции цифровой актив выступает не только как средство обмена или имущественное благо, но и как механизм, выполняющий определённую функцию правового регулирования. Существенным в данном случае является то, что Майкл Абрамович усматривает юридическое значение цифровых активов в том, каким образом через них автоматически реализуются определённые правила. Так, посредством программных механизмов, обеспечивающих обращение криптовалют, подтверждаются переводы, фиксируется переход права обладания, решается проблема доверия между участниками и автоматически проверяются транзакции [9, Б. 359-420]. Следовательно, в рамках данного подхода цифровой актив выступает не просто предметом гражданского оборота, а входит в систему технологических механизмов, направленных на осуществление и обеспечение правовых отношений. Позиция Майкла Абрамовича представляет собой важный этап в

осмыслении правовой природы цифровых активов, поскольку позволяет рассматривать данный феномен не только как «благо», но и как «средство регулирования». Это, в свою очередь, создаёт возможность анализировать проблему цифровых активов не только как правовое благо, но и как явление, тесно связанное с регулированием автоматизированных цифровых отношений в сфере частного права.

Европейские правоведы Роса М. Гарсия-Теруэль (Rosa M. Garcia-Teruel) и Эктор Симон-Морено (Héctor Simón-Moreno) выдвигают в доктрине цифровых активов весьма тонкое и важное разграничение. По их мнению, токенизация на основе блокчейна, хотя и позволяет выражать, вводить в оборот и передавать в цифровой среде определённое имущественное либо иное право, сама по себе не создаёт, не изменяет и не прекращает это право автоматически. Иными словами, токен представляет собой не само право, а лишь его выражение в цифровой форме. Авторы, в особенности применительно к обеспеченным токенам, подчёркивают, что если токен выражает определённое право собственности, право требования или иной гражданско-правовой интерес, то его правовая оценка должна осуществляться на основе норм национального частного права. При этом сохраняют своё значение такие традиционные частноправовые институты, как правило *“lex rei sitae”*, порядок государственной регистрации, основание возникновения права, способ его передачи другому лицу, а также установление того, кому именно принадлежит соответствующее право. Следовательно, токенизация затрагивает не содержание права как такового, а лишь его техническую форму выражения, фиксации и введения в оборот. Значение данного подхода состоит в том, что он предостерегает от чрезмерного преувеличения роли токенизации. Иными словами, не всякий интерес, зафиксированный в системе блокчейн или выраженный в форме токена, автоматически приобретает статус самостоятельного имущества. Существенное значение имеет именно выяснение того, какое право, на каком юридическом основании и с какой принадлежностью лежит в основе соответствующей цифровой формы [10, Б. 5-7]. В этом смысле данный подход показывает, что в спорах, связанных с цифровыми активами, приоритет следует отдавать не самому факту технической фиксации, а лежащему за ним правовому основанию.

По нашему мнению, сравнительный анализ указанных научных подходов наглядно показывает, что объяснение цифровых активов исключительно через категории материальных вещей или традиционных прав требования уже не является достаточным. Это обусловлено тем, что цифровые активы, не обладая материальной формой, тем не менее имеют имущественную ценность, могут находиться под контролем определённого субъекта [11, Б. 101-127], передаваться другим лицам, участвовать в обороте как самостоятельное имущественное благо и во многих случаях требуют защиты от посягательств третьих лиц. По этой причине для понимания их правовой природы недостаточно по отдельности ни классической вещно-правовой, ни обязательственно-правовой модели; напротив, требуется комплексный подход, способный охватить экономические, технологические и юридические особенности цифровых активов [12, Б.146].

С этой точки зрения, при решении вопроса о признании цифровых активов имуществом определяющее значение должны иметь не только их нематериальная природа или сама по себе имущественная ценность, но и совокупность следующих признаков: во-первых, наличие самостоятельной экономической ценности; во-вторых, возможность фактического и юридического контроля со стороны определённого субъекта; в-третьих, возможность передачи другим лицам и участия в обороте; в-четвёртых, чёткая определённость принадлежности соответствующего блага его правообладателю; в-пятых, возможность его защиты от третьих лиц; в-шестых, способность иметь самостоятельное значение в таких частноправовых отношениях, как наследование, залог, банкротство, налогообложение и иные аналогичные

сферы. Следовательно, вопрос о применении либо неприменении имущественного режима к цифровым активам не должен решаться абстрактно [13, Р. 1099-1104], а должен ставиться в зависимость именно от наличия указанных юридически значимых признаков.

Вместе с тем было бы неправильно признавать все цифровые активы самостоятельным имуществом по единым основаниям. В отдельных случаях токен, цифровая запись или единица блокчейна могут представлять собой лишь цифровую форму выражения уже существующего права, способ его фиксации либо механизм его обращения. В подобных ситуациях в центре правового анализа должна находиться не сама цифровая форма, а содержание выражаемого через неё права, основание его возникновения, принадлежность и порядок передачи. Следовательно, при определении правового статуса цифровых активов более оправданным является не универсальный и единообразный подход, а дифференцированная модель, учитывающая вид соответствующего цифрового актива, его функцию и лежащее в его основе правовое содержание.

Применение норм о праве собственности к цифровым активам в Узбекистане первоначально было заложено Постановлением Президента Республики Узбекистан от 3 июля 2018 года № ПП-3832 «О мерах по развитию цифровой экономики и сферы оборота крипто-активов в Республике Узбекистан». Данное постановление рассматривает крипто-актив не просто как технологическое или экономическое явление, а прямо признаёт его имущественным правом. В частности, в постановлении прямо установлено, что «крипто-актив является имущественным правом, представляющим собой совокупность цифровых записей в распределённом реестре, имеющих стоимость и собственника».

Кроме того, важное значение в легализации оборота крипто-активов как объекта гражданских прав имело Постановление Президента Республики Узбекистан от 2 сентября 2018 года № ПП-3926 «О мерах по организации деятельности крипто-бирж в Республике Узбекистан». Особенность данного постановления заключается в том, что в нём прямо предусмотрено неприменение к обороту крипто-активов и деятельности крипто-бирж законодательства о ценных бумагах и биржевой деятельности. Эта норма исключает автоматическое отождествление крипто-активов с ценными бумагами и устанавливает для них самостоятельный, специальный правовой режим.

Следует отметить, что закрепление правового статуса цифровых активов в национальном законодательстве ещё не означает их официального признания в качестве самостоятельного объекта гражданских прав в полном и определённом смысле. Поскольку в самом гражданском законодательстве данная категория до сих пор прямо не закреплена как самостоятельный объект. Иными словами, с одной стороны, специальные нормативно-правовые акты признают цифровые активы имущественным правом, а с другой стороны, в Гражданском кодексе до настоящего времени не определены в достаточной мере место данного института, его виды, особенности участия в гражданском обороте, средства правовой защиты, а также признаки, отличающие его от иных объектов гражданских прав.

В качестве вывода следует отметить, что вопрос о признании цифровых активов имуществом в гражданском праве не может сводиться к простой альтернативе признавать их или не признавать. Основная задача заключается в установлении того, какие именно виды цифровых активов, при наличии каких признаков и при каких юридических условиях могут подпадать под имущественный режим. В этом смысле современное гражданское право должно развиваться не путём отрицания традиционных правовых институтов, а через их адаптацию к требованиям цифровой экономики и, при необходимости, через дополнение новыми гибридными юридическими конструкциями. Именно такой подход способен обеспечить корректное понимание правовой природы цифровых активов, их эффективную правовую защиту и полноценное участие в гражданском обороте.

CHOCKI/IQTIBOSLAR /REFERENCES:

1. Ritter J., Mayer A. Regulating data as property: a new construct for moving forward //Duke L. & Tech. Rev. - 2017. - T. 16. - P. 220. <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1320&context=dltr>
2. Tsiura V., Panova L., Gramatsky E. Virtual assets in the digitalization era: Economic and private legal aspects // Baltic Journal of Economic Studies. - 2024. - T. 10. - №. 3. - P. 366-374. <http://www.baltijapublishing.lv/index.php/issue/article/view/2517>
3. Madison M. J. Law as design: objects, concepts, and digital things //Case W. Res. L. Rev. - 2005. - T. 56. - P. 381. https://www.researchgate.net/publication/228184097_Law_as_Design_Objects_Concepts_and_Digital_Things
4. Садков В.А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. - С. 11-12. <https://www.dissercat.com/content/tsifrovye-finansovye-aktivy-kak-obekty-grazhdanskikh-prav-i-ikh-oborot?ysclid=mnsqb6ahks190122122>
5. Chason E.D. How Bitcoin Functions As Property Law // Seton Hall Law Review. 2019. - Vol. 49. - P. 129-171. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3491538
6. AA v. Persons Unknown & Ors, Re Bitcoin [2019] EWHC (Comm) 3556 [50–63] (U.K.). <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2022/07/AA-v-Persons-Unknown-summary-case-note-SB-amended-1.pdf>.
7. Shair.Com Glob. Digit. Servs. Ltd. v. Arnold, [2018] CanLII 1512, para. 13-17 (Can. B.C.S.C.). <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=5c9b453e-2160-4afd-800d-2b01b4a5b609>.
8. Fairfield J.A.T. Bitproperty // Southern California Law Review. - 2015. - Vol. 88. - P. 805-874. <https://southerncalifornialawreview.com/2015/05/02/bitproperty-article-by-joshua-a-t-fairfield/>
9. Abramowicz M. Cryptocurrency-Based Law // Arizona Law Review. 2016. Vol. 58. - P. 359-420. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2573788
10. Garcia-Teruel R.M., Simón-Moreno H. The Digital Tokenization of Property Rights: A Comparative Perspective // Computer Law & Security Review. 2021. Vol. 41. Art. 105543. - P. 5-7. https://www.researchgate.net/publication/351131839_The_digital_tokenization_of_property_rights_A_comparative_perspective
11. Wendehorst C. Proprietary rights in digital assets and the conflict of laws //Blockchain and Private International Law. – Brill Nijhoff, 2023. - P. 101-127. <https://brill.com/edcollchap-oa/book/9789004514850/BP000014.xml>
12. Johnstone S. Secondary markets in digital assets: Rethinking regulatory policy in centralized and decentralized environments //Stan. J. Blockchain L. & Pol’y. - 2020. - T. 3. - P. 146. <https://assets.pubpub.org/hwjyrws6/31593300665949.pdf>
13. Banta N. M. Property interests in digital assets: The rise of digital feudalism //Cardozo L. Rev. - 2016. - T. 38. - P. 1099-1104. <https://larc.cardozo.yu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4123&context=clr>

YURIST AXBOROTNOMASI

2-SON

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 2

LAWYER HERALD

ISSUE 2

ISSN 2181-9416

DOI JURNAL: 10.34920/2181-9416/2026/2

2026-YIL